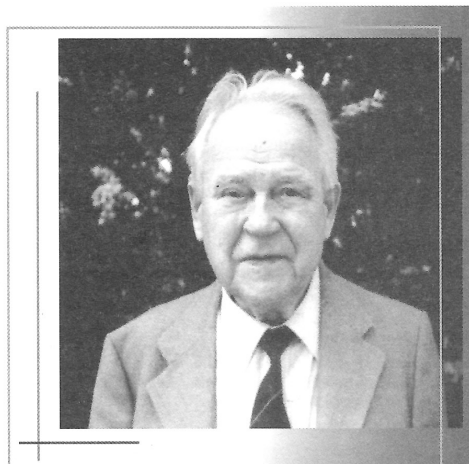

ТИХОН
ХРЕННИКОВ

Интервью И. ЧУМАКОВОЙ

Имя этого композитора известно в наши дни каждому любителю музыки и в России, и за ее пределами. Т.Н. Хренников по праву признан одним из основоположников советской музыкальной классики; его творчество составляет неотъемлемую часть мировой художественной культуры. Его оперы, симфонии, инструментальные концерты звучат повсюду, его балеты ставятся на сценах всего мира, завоевывая признание широкой аудитории.

Т.Н. ХРЕННИКОВ

НАШ СОВРЕМЕННОК

Неотразимая притягательная сила этого композитора — в безупречном мастерстве, в неиссякаемом мелодическом даре, в эмоциональной непосредственности. Но главная черта его музыки, о которой писал еще Ю. Шапорин, это — щедрость. Щедрость таланта, души, человеческого обаяния и удивительная способность, которая отличает только самых выдающихся художников, — способность не стареть в своем творчестве.

Блестящее дарование Т.Н. Хренникова охватывает все музыкальные жанры, но опера, балет, симфония и инструментальный концерт всегда были главными.

Его концерты и симфонии звучали в исполнении великих гениев современного музыкального искусства: Е. Светланова, Л. Когана, Д. Ойстраха, выдающихся зарубежных мастеров.

Тихон Хренников родился в городе Ельце, в семье, где очень любили музыку, хорошо пели. Учился в Москве у М. Гнесина, В. Шебалина, Г. Литинского.

Впоследствии сам стал профессором Московской консерватории, где работает по сей день.

Более 40 лет возглавлял Союз композиторов СССР, будучи его первым секретарем. Тихон Николаевич — народный артист СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий СССР и России, председатель оргкомитета Международного конкурса имени Чайковского, академик и почетный член многих зарубежных академий и университетов.

Тихон Николаевич, прежде всего о вашем правнуке, который поступал в Музыкальное училище при Московской консерватории.

Поступил Тишенька. Ёго зовут, как и меня, и фамилия у него тоже Хренников. Года три назад в нем вдруг проснулась невероятная любовь к музыке.

Сейчас он выдержал вступительные экзамены в Мерзляковское училище на теоретико-композиторское отделение, начал серьезно сочинять музыку. По

композиции я отдаю его моей ученице, замечательному педагогу, профессору Татьяне Чудовой.

А теперь перейдем к «глобальным» проблемам. Что характерного, с вашей точки зрения, в нынешнем композиторском творчестве? В каком направлении оно движется? Что можно ожидать от развития музыки России в XXI веке?

Музыкальное развитие, как мне кажется, идет в правильном направлении. Я говорю о серь-

езных композиторах, серьезных задачах, которые они перед собой ставят. Было время, когда была диктатура авангардизма, и все, что было связано с традициями, мелодизмом, отклонялось как ненастоящее, устаревшее. Было повальное увлечение нововенской школой. Были свои лоббисты и в консерватории, проповедовавшие «новое течение». Я не буду называть их фамилии. Они всем известны. Благодаря этому за последние годы как в России, так и за рубежом в области композиции оказа-

Сочинения Т.Н. Хренникова

Оперы: «В бурю» (1936—1939; 2-я ред. 1952), «Фрол Скобеев» (1945-1950; 2-я ред. под названием «Безродный зять» 1966), «Мать» (1957; по одноименному роману М. Горького), «Мальчик-великан» (1968—1969; опера-сказка).

Комические оперы: «Много шума из-за сердец» (1971—1972; по комедии В. Шекспира «Много шума из ничего»), «Дорогя» (1982—1983; по комедии Р. Шеридана «Дуэнья»), «Золотой теленок» (1984—1986; по одноименному роману И. Ильфа и Е. Петрова), «Голый король» (1988; по мотивам сказки Г. Х. Андерсена и пьесы Е. Шварца).

Балеты: «Наш двор» (1969), «Любовью за любовь» (1976); «Гусарская баллада» (1977-1978; 2-я ред. 1979-1980), «Наполеон Бонапарт» (1995), «Капитанская дочка» (1998; по одноименной повести А.С. Пушкина).

Оперетта «100 чертей и одна девушка» (1962—1963), музыкальная хроника «Белая ночь» (1966—1967), мюзикл «Чудеса да и только» (2001; по пьеске С. Маршака «Умные вещи»).

Три симфонии (1933, 1940-1943, 1973); концерты для фортепиано с оркестром: №1 (1932-1933), №2 (1971), №3 (1983), №4 (1991); концерты для скрипки с оркестром: №1 (1958-1959), №2 (1975); три пьесы для скрипки с оркестром (1983); концерты ААЯ виолончели с оркестром: №1 (1964), №2 (1986); квартеты: №1 (1988), №2 (2004); квартет для духовых инструментов (2003); соната для виолончели и фортепиано (1992); пьесы для фортепиано (1933, 1934, 1935); романсы на стихи А.С. Пушкина (1935), Р. Бернса (1944); три соната Шекспира (1991); вокальный цикл на стихи И. Бунина (1996), произведения для хора а са-релла на стихи Н. Некрасова (1971, 1990); музыка к театральным постановкам: «Много шума из ничего» В. Шекспира (1935—1936), «Без вины виноватые» А.Н. Островского (1937), «Давным-давно» А. Гладкова (1941), «Дон Кихот» М. Булгакова по Сервантесу (1941), «Умные вещи» С. Маршака (1965) и др.

Музыка к кинофильмам: «Мать» (1926), «Свинарка и пастух» (1941), «В 6 часов вечера после войны» (1944), «Поезд идет на восток» (1948), «Верные друзья» (1954), «Много шума из ничего» (1956), «Капитанская дочка» (1958), «Гусарская баллада» (1962), «Руслан и Людмила» (1972), «Таланты и поклонники» (1973), «Дуэнья» (1978), «Любовью за любовь» (1983), «Два товарища» (2000) и др.

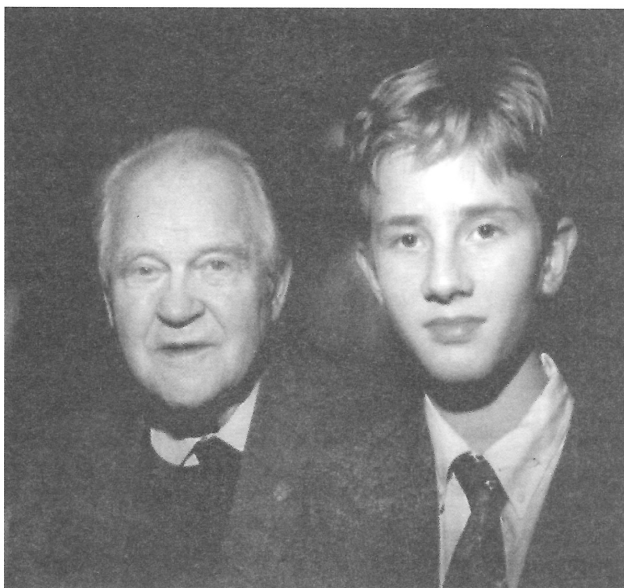
Песни: в том числе «Песня о песне» на стихи В. Тихонова, «Московские окна» на стихи М. Матусовского, «Песня о Москве» из кинофильма «Свинарка и пастух» на стихи В. Гусева и другие песни.

лось много музыкальных «инвалидов», которые прекрасно образованы теоретически, но совершенно оторваны от жизни, оторваны от настоящей музыки. Недавно в одном из своих интервью Родион Щедрин заявил: «Слава богу, кончилась диктатура авангардизма». Я с ним согласен. Увлечение Шенбергом, нововенской школой, 12-тоновой системой, естественно, возможно. Но считать, что все остальное не искусство, не музыка, «старье», — неправомерно. И слава богу, что сейчас все поворачивается к основе творчества — к мелодическому началу. А знаете, что или кто совершил этот поворот? Публика во всем мире, в том числе и в нашей стране, отвернулась от этих экспериментов. Хотя до сих пор кое-где существуют островки так называемого «модернизма». Подобные композиторы называют себя авангардистами. Какой авангард? Сейчас авангардисты по сути дела стали сектантами. Секта минималистов, секта максималистов. Секты — это не музыка, не генеральный путь

развития настоящего большого искусства. Все наши великие русские композиторы С. Прокофьев, И. Стравинский, Д. Шостакович, А. Хачатурян, естественно, владели 12-тоновой системой, хорошо знали нововенскую школу, Шенберга и других композиторов, но никто из них не пошел по этому пути. Сейчас все возвращается на круги своя. Мелодия занимает свое первенство в творчестве молодых композиторов, во всяком случае в Московской консерватории. К нам приезжают наши коллеги из Франции, профессора, которые преподают композицию. Они привозят своих учеников. Мы слушаем их нормальную мелодичную музыку. До этого там тоже была диктатура Пьера Булеза. И все, что было не в его сфере, считалось не искусством.

Я приведу очень интересный случай. Это было во время первой поездки группы советских композиторов в Америку. В состав делегации входили Шостакович, Кабалевский, Давнькевич, Амиров и я. Нас возили по разным горо-

Два Тихона Хренникова

дам. Консерватория там существовала только в Бостоне, в остальных городах были музыкальные факультеты в университетах. Студенты демонстрировали нам свои произведения — повальное увлечение 12-тоновой системой. Нельзя было отличить одно сочинение от другого. И главный вопрос, с которым к нам обращались студенты: «Помогите нам исполнять нашу музыку — ведь вы обладаете уникальными исполнительскими кадрами». Я попросил тогда Дмитрия Дмитриевича Шостаковича ответить им, и он сказал: «Не обольщайтесь. Вашу музыку никто играть не будет. Мы были в разных городах и всюду слушали произведения, похожие одно на другое. Нельзя музыку сводить к конструктивизму. Она должна идти от человеческого сердца. И когда вы начинаете писать именно такую музыку, то вам не нужна

будет ничья помощь. Ее будут с удовольствием исполнять и слушать». Это было в 1959 году. Уже тогда Д. Шостакович заявил о том, что 12-тоновая система не дает возможности проявления композиторской индивидуальности. Его слова были напечатаны во многих американских газетах.

Что будет в XXI веке? Я считаю, что путь развития музыкального искусства находится в руках русских композиторов. Так же, как это было в XX веке. С. Прокофьев, Д. Шостакович, И. Стравинский наметили дальнейший путь развития композиторского искусства. Я причисляю к русским композиторам и Стравинского. В 1962 году я пригласил его в Советский Союз, и в конце своего пребывания он сказал: «Я обрел свою Родину, я обрел себя как русского человека».

Это была большая сенсация.

А самый великий композитор XX века Сергей Сергеевич Прокофьев — новатор, невероятно оригинален и индивидуален, и в то же время в его музыке все время ощущаются те нити, которые связывают его с предшествующими великими русскими композиторами. Он продолжил то великое дело, которое начали его предшественники. В искусстве необходима преемственность. Необходимо воспринимать опыт, накопленный предшествующими поколениями.

А как сегодня обстоят дела с профессиональным музыкальным образованием? Что положительного вы отмечаете по сравнению с прошлыми десятилетиями?

Как педагог, профессор Московской консерватории я наблюдаю очень быстрое созревание нашей молодежи. Ко мне домой приходит много юных ребят, кото-

Т.Н. Хренников с учениками.

Первый ряд слева направо: Е. Пухова, Т. Чудова, В. Беседина, А. Чайковский, И. Энская; второй ряд: Д. Нордман (гость), А. Удальцов, А. Шеломков, Б. Петров

рые увлекаются музыкой, хотят стать профессиональными музыкантами. Сейчас в 13—14 лет на рояле, других инструментах играют как виртуозы. Такого раньше не было. Были единицы — вундеркинды, выдающееся явление. Сейчас этих вундеркиндов «хоть пруд пруди», причем не только исполнителей, но и композиторов, пишущих замечательную музыку. Они быстро созревают и становятся прекрасными музыкантами-профессионалами.

Несмотря на значительно более тяжелые условия по сравнению с прошлым?

Да, несмотря на тяжелый быт, материальное положение я наблюдаю рвение к музыкальному искусству, которое овладевает сейчас очень многими юными ребятами. И они пытаются преодолевать все тяготы, материальные и бытовые преграды.

Ваша книга «Так это было», в которой вы рассказываете о своей жизни, заканчивается 91-м годом. А как протекала ваша жизнь в последнее десятилетие?

После того как я закончил свою деятельность в Союзе композиторов, я смог заняться только творчеством. В течение четырех с лишним десятилетий я отвечал за всех композиторов, а тут стал отвечать только за себя. Это меня очень устраивало, давало мне большие творческие силы. За это время я написал много новой музыки, в частности камерной. Например, Второй струнный квартет. Его еще никто не слышал. Хочу записать его на диск. Написал несколько вокальных циклов: «Сонеты Шекспира» и цикл на слова Ивана Бунина. Но главное, что я сделал, это балет «Наполеон Бонапарт», заказанный мне Кремлевским балетом, им и поставленный. Он шел с большим успехом в Кремлевском дворце съездов.

Во время гастролей театра он был показан в Италии (Рим), Испании. Успех был колоссальный. Театр показал этот спектакль в Китае, на международном балетном фестивале в Таиланде. Еще написал балет «Капитанская дочка» по А.С. Пушкину, который идет в Москве, Омске, Нижнем Новгороде. То, что балет идет с большим успехом, я вижу по отчетам РАО. В театре Наталии Сац поставили мой мюзикл «Чудеса да и только» по пьесе С. Маршака «Умные вещи». Написал Четвертый фортепианный концерт (очень здорово его играет Анатолий Шелудяков, мой ученик по композиции), виолончельную сонату, которая широко исполняется и студентами, и концертирующими виолончелистами.

Продолжаю писать музыку для кино, например, к фильму «Два товарища» из нашей жизни начала 60-х годов (режиссер Валерий Пендраковский). Фильм наградили на фестивале в Гатчине премией, и я получил приз за лучшую музыку. Сейчас этот режиссер ставит картину «Бегущая по волнам» по А. Грину и попросил меня написать к нему 2 шлягера. Один уже написан.

Московский университет в прошлом году заказал мне юбилейный бальный вальс «Татьянин день». Он прозвучал 25 января на балу. Студенты танцевали под него.

Ваша музыка известна за рубежом. Расскажите о наиболее значительных зарубежных постановках и исполнителях.

Одно из самых ярких впечатлений — постановка оперы «В бурю» в Дрездене. Это было в 50-е годы. Мы ездили с Кларой (женой), были на репетициях, премьере, прошедшей с большим успехом. Спектакль шел несколько лет.

В Болгарии шли мои оперы. Была замечательная постановка «Бури» в городе Русе. Главную партию Наташи пела знаменитая

Мария Богачек. Партию Ленки — Николай Здравков. Болгарские певцы известны во всем мире. Мы ездили туда всей семьей. Это тоже были 50-е годы. Потом там же поставили оперу «Мать». В Софии был поставлен мой балет «Любовью за любовь». На премьере присутствовал Тодор Живков.

В Польше (Познань) и Югославии этот балет шел в версии Веры Боккадоро, которая ставила его в Большом театре. Был замечательный спектакль, прошедший с большим успехом. В Польше режиссер Г. Ансимов ставил оперу «Фрол Скобеев». Большой театр с балетом «Любовью за любовь» гастролировал во Франции — подряд 30 спектаклей каждый день. Из Парижа они поехали в Швейцарию. В те годы много моей музыки исполнялось за рубежом нашим великим дирижером Евгением Светлановым.

На фестивале советской музыки в Америке (Бостон) блестяще исполнял мою Первую симфонию Шарль Мюнш. У меня есть запись с концерта. Шарль Мюнш приезжал в Советский Союз с Бостонским оркестром в 60-е годы. Это был лучший симфонический коллектив мира. Мюнш был гениальный дирижер. Помню, как он сыграл на открытии гастролей в Большом зале Московской консерватории наш гимн. Все были потрясены. В конце жизни его пригласили во Францию организовать национальный Парижский оркестр. С этим оркестром были намечены его гастроли в Советском Союзе. В первую программу он включил мою Первую симфонию, которую исполнял гениально. Но накануне гастролей Мюнш ушел из жизни. Позже его дочь прислала мне партитуру моей симфонии с пометками отца, которую, как она писала, он очень любил.

Это первое, что я вспомнил.

Расскажите, пожалуйста, о ваших встречах с выдающимися зарубежными музыкантами.

У меня было такое положение в Союзе композиторов, что я общался с самыми крупными музыкантами разных стран, перечислять их бессмысленно. Можно написать об этом отдельную книгу. Могу рассказать о некоторых.

Например, мы очень подружились с Жоржем Ориком, замечательным французским композитором. Я приглашал его к нам, в том числе и в качестве члена жюри конкурса имени Чайковского.

С другим французским композитором, Дариусом Мийо, я познакомился в Лос-Анджелесе. Сегодня мне позвонили из ИТАР ТАСС, сообщили, что заболел Микис Теодоракис и попросили послать ему телеграмму. Я с ним был в большой дружбе. Талантливый композитор и большой политический деятель Греции.

Очень интересна история знакомства с Самуилом Барбером, выдающимся американским композитором. Это было очень давно, в мои студенческие годы. Я тогда написал Первый фортепианный концерт, исполнил его с дирижером Себастьяном. Этот концерт передавали по радио. Через некоторое время я получил несколько писем из Америки. В одном из них музыкант поздравлял меня с успехом и рассказывал, что, к сожалению, сейчас он проходит службу в армии, много занимается строевой подготовкой и совершенно не имеет возможности заниматься музыкой. Он спрашивал, как у нас в армии относятся к призывникам-музыкантам. В письмо была вложена фотография, подписанная Самуилом Барбером — художавый такой юноша в очках. Я ответил, что в нашей армии очень ценят музыкантов и дают им возможность заниматься своей профессией в духовых оркестрах, писать музыку. Послав ему ответ, я забыл

об этом случае. И вот в 1959 году, когда наша делегация была в Америке, в Нью-Йорке меня встречал знаменитый уже в то время Самуил Барбер — автор опер, балетов, концертов с оркестром, популярнейшего Адажио, которое исполняется во всем мире. Обращаясь ко мне, он сказал: «Вы меня, конечно, не помните. Это я, начинающий композитор, написал вам письмо, когда услышал ваш концерт, который мне очень понравился. И с вашим ответом я пошел к своему начальнику, показал ваше письмо: «Вот как в Советской армии относятся к музыкантам». Ваше письмо оказало магическое действие. Меня освободили от строевой службы. И с этого дня я занимался только музыкой. Вы не представляете, какую роль сыграли в моей жизни». Естественно, я был счастлив, услышав эти слова из уст знаменитого маэстро. Он был уже полноватый. Ему было тогда 49 лет. Мы подружились. Он буквально от меня не отходил, пригласил к себе. У него под Нью-Йорком был дом, где жил еще итальянский композитор Менотти. А рядом была «творилка», где творил один, когда другой занимался в доме. С Барбером нас связывала тесная дружба вплоть до его кончины в 1981 году. Я его пригласил на съезд композиторов. Это было уже в 70-е годы. Выступая на съезде, он высоко оценил заботу государства о композиторах в нашей стране. «У нас каждый должен бороться за свое существование», — говорил он. Мы много с ним переписывались. Он связал меня с издательством «Ширмер», которое просило меня прислать все мои сочинения для издания. Но собрать все было невозможно. Что-то я отправил... Вот такая встреча была с Самуилом Барбером.

Теплые отношения связывали меня со многими итальянскими композиторами, в частности с Франко Манино.

Могу вспомнить еще композитора Марселя Ландовского, крупного музыкального деятеля Франции. По его приглашению мы ездили туда с Евгением Светлановым и Женей Кисиным на мои авторские концерты.

Тихон Николаевич, вы профессор Московской консерватории. Расскажите об этой сфере вашей деятельности и об учениках.

Я был всегда очень занят в Союзе композиторов. Много занимался исполнительской и композиторской работой и никогда не думал о педагогической. У меня к этому не было никакого стремления. Где-то в конце 50-х годов я обратил внимание на молодого композитора Вячеслава Овчинникова. Он часто приходил ко мне домой, показывал свои сочинения и очень заинтересовал меня своей одаренностью. К тому времени у него было уже много сочинений, он прекрасно инструментовал. У него какое-то внутреннее чутье оркестра. Иногда мне казалось, что то, что он делает, неисполнимо. Я ему говорил: «Слава, это невозможно!» А он в ответ: «Я уверен, что возможно». И оказывался прав. Учился он в консерватории в классе С.С. Богатырева. Когда Семен Семенович скончался, Слава пришел ко мне и сказал:

— Хочу заниматься только у вас.

— Но я не преподаю в консерватории.

— Вы должны преподавать. Я был вчера у Свешникова и сказал ему об этом.

Вот такой у нас произошел диалог.

А.В. Свешников, всемирно известный дирижер-хоровик, был в ту пору директором Московской консерватории. Он тоже хорошо относился к талантливому студенту, гасил всякие его конфликты, например, когда его выгоняли из комсомола. Всячески помогал ему

в тех случаях, когда его пытались выгнать из консерватории за мелкие провинности или за несдачу экзамена по марксизму. И вот дня через два мне звонит Свешников и приглашает меня преподавать. Я долго упирался. В конце концов Александр Васильевич сказал: «Возьмите его одного». Я согласился, став преподавателем консерватории. Звание профессора я получил года через два, когда у меня уже было несколько учеников. Конечно, Слава был не очень организованным и не очень дисциплинированным. Я прощал ему мелкие провинности, всегда восхищаясь в нем необыкновенным природным даром. Правда и фанфаронства в нем было достаточно. Цену себе он знал. Я же пытался его немножко воспитывать. Так что В. Овчинников буквально «втащил» меня в консерваторию.

Однажды он приехал ко мне и сказал:

— Бондарчук ставит картину «Война и мир». Я хочу писать музыку. Я чувствую, что могу написать хорошую музыку.

— Но музыка уже заказана.

— А я хочу.

Он пошел к Бондарчуку, который его абсолютно не знал. Слава был смелым иногда до нахальства. Сказал то же, что и мне. «Хочу, могу и буду». Бондарчук был настолько обескуражен его «смелостью», что предложил ему для пробы написать выход Наташи на бал и ее первый вальс. И вот Слава садится, пишет вальс и еще какие-то два отрывка, приносит Бондарчуку, играет ему, и Бондарчук в восторге. Овчинников становится композитором этой эпопеи. Он написал изумительную музыку. Он стал просто «нарасхват» как композитор кино.

Талант проявляется во всем. Одно время он прекрасно, с успехом дирижировал классикой, в том числе симфониями П.И. Чайковского, в нашей стране и за рубежом.

Это выдающийся талант, и я горжусь, что он был моим первым студентом, заставившим меня начать преподавательскую деятельность.

Позже ко мне в класс пришли Таня Чудова, Саша Чайковский. Сейчас — это один из известнейших композиторов, может быть, даже первый в возрастной генерации, к которой он принадлежит. Блестящий пианист, замечательный композитор, прекрасно, легко оркеструет. Он — гордость нашей русской музыки. Он в моем классе окончил консерваторию, аспирантуру, несколько лет был моим ассистентом. Сейчас он профессор, руководитель композиторской кафедры консерватории, возглавляет Московскую филармонию. Один из авторитетных русских музыкантов. Он тоже — моя гордость.

В 60-е годы пришла ко мне тоненькая девушка с огромной толстой косою ниже пояса — Татьяна Чудова. В консерватории она была лидером по художественной гимнастике, но главное — она была очень талантлива и очень работоспособна. Показала себя блестящей ученицей, настоящим композитором. Помимо этого у нее очень рано проявилось желание работать с малышами.

Она великолепно с ними общается, и они тянутся к ней. Она нашла какие-то новые педагогические формы в обучении детей композиции и стала одним из первых педагогов в этой области. Еще будучи у меня в аспирантуре, она стала, как и Саша, моим ассистентом. А потом тоже получила свой класс, став профессором. Она — талантливый композитор в разных жанрах музыкального творчества. Всех своих учеников она приводит по вторникам ко мне, и мы вместе слушаем очень много талантливых молодежи. Под ее руководством они быстро развиваются, сочиняют хорошую музыку, и многих она

потом вывозит показывать в разные страны, например в Италию. В Испании она этой весной давала мастер-класс. И везде она как педагог производит впечатление, а ее ученики вызывают восторг. Через нее я связан с молодой порослью.

У меня много было талантливых музыкантов: Миша Броннер, Гриша Воронов, Лера Беседина, Лена Ларионова, Миша Богданов, Володя Дубинин, Борис Петров.

Весь этот год очень популярен в Москве мюзикл «12 стульев». Его написал тоже мой ученик Игорь Зубков. Мюзикл, шел ежедневно с большим успехом.

У меня было еще несколько учеников, которые по тем или иным причинам оканчивали консерваторию у меня, а начинали заниматься у других педагогов, например Максим Дунаевский. Игорь Лученок окончил консерваторию в Минске, у меня — аспирантуру. Каждую неделю он прилетал ко мне на урок. Милейший человек. Крупнейший талант. Написал столько замечательных песен — хитов XX века. Мне было очень приятно общаться с ним.

Вот это часть моих студентов, от которых можно ждать настоящих результатов в будущем. Я не могу рассказать обо всех. Таня Чудова насчитала у меня за все годы моего преподавания около 200 выпускников.

Спасибо, Тихон Николаевич, за ваше интервью.

(2005 г.)